

ГРАФФИТИ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Текст как «первичная данность» (Бахтин 2004) филологии является тем единственным объектом изучения, который привлекает исследователей. Текстами можно признать всё, что пишется рукой или с помощью технических средств или произносится в устной форме. Граффити — это один из распространённых видов текста, встречающийся буквально «на каждом углу»: на стенах зданий, тротуаре, в подъездах домов, в общественном транспорте, на столах студенческих аудиторий и даже, как пел Высоцкий, «в общественном парижском туалете», где «есть надписи на русском языке». Это явление интернациональное, свойственное всем современным обществам. Исторически феномен граффити принадлежит археологии и истории, но его выход за рамки этих двух наук, его тотальное распространение произошло в 20 и 21 веках, приобретая уже не исторический, а психосоциолингвистический характер. Исследователи отмечают, что впервые собрал и систематизировал граффити в 1731 году англичанин Трумбо, который опубликовал онтологию надписей, собранных на зданиях и в общественных местах Лондона. Его материал содержал высказывания о любви, браке, пьянстве, трезвости, скандалах, политике, играх, а также проповеди. А в 1935 году американец Рид, проанализировав надписи, собранные в общественных туалетах, пришёл к выводу об изменении в значениях слов (Белкин 2006).

Студенческие аудитории оказались весьма подходящим местом для появления такого рода текстов. В 2000 году нами была составлена картотека граффити, имевшихся на столах аудиторий филологического факультета БГУ. Таких надписей оказалось около полутора тысяч. Можно сколько угодно стыдить безвестных авторов граффити, взывать к их сознанию и даже угрожать разоблачением, но искоренить этот текстовый вал вряд ли возможно. Попробуем разобраться в психологической основе граффити и выявить лингвистический характер этих текстов.

Современные граффити полимотивированы. Если в эпоху Древней Руси граффити являлись средством идентификации личности или предмета, то во времена массовой культуры они становятся утверждением личностной или групповой идентичности, выражают протест против социальных или культурных норм, несут в себе сексуальные, развлекательные и творческие мотивы. Кроме того, они могут быть отголоском молитв или заклинаний, отражающих страх перед угрозой приближающегося события: «Господи, помоги мне!», «Боже, за что?»

Первые граффити относились к жанру «Здесь был Вася». Этот наиболее простой вид граффити вызван стремлением «увековечить» своё имя в истории. Как полагают некоторые исследователи, «графффити представляют собой аналог архаических, филогенетически ранних поведенческих реакций, свойственных животным (например, пометка территории)» (Белкин 2006; Седнев 1993). Это примитивный вид творчества, «...это попытка сделать эфемерное вечным... Аристотель назвал среди главных стимулов человеческой деятельности атанатизейн — желание обессмертить себя посредством великих деяний и произведений искусства. Это желание свойственно почти всякому из живущих. Правда, осуществить его мало кому удаётся, но зато успех этих немногих кружит голову остальным. Оставить о себе память хочется не только царям, поэтам и философам. Самый распространённый опус в жанре атанатизейн — надписи на видных местах в

жанре «Здесь был Коля». Безвестный Коля хочет, чтобы его помнили, чтобы о его существовании знали незнакомые ему люди...» (Чхартишвили 2006). Обратим внимание, что граффити всегда появляются в местах скопления людей, что как раз подтверждает мысль Аристотеля об атанатизейне. На столах в аудиториях также есть многочисленные начертания имён, часть которых вызвана «атанатизейном». Так студенты метят «свою территорию», свой ареал вузовского обитания. Правда, иногда встречаются имена других людей, которые нравятся или не нравятся автору граффити: «Оля, Оленька, Олька, Олечка, Олюшка, Оленёнок, Ольчик, Олюшик, Олик, Олюнчик, Олюша», «Олег Быков — сила и красота» или «Тимур козёл». Таким доступным способом автор оповещает мир о своём отношении к конкретному лицу или группе лиц, «сливает» накопившиеся эмоции. Близки этой группе граффити музыкальные пристрастия молодёжи, выразившиеся в начертаниях названий исполнителей иногда аксиологического характера: «Нэнси», Вика Цыганова, Миша Шуфутинский, NRM, «Nirvana — говно!», «Аквариум», Б.Г., Deep Purple, Led Zeppelin, Elton John, «Попса — дерьмо» и др.

Главный психологический фундамент при создании граффити — анонимность и безнаказанность. Осознание того, что тебе за это «ничего не будет», часто толкает людей даже на уголовные преступления, а уж в ситуации «коллективного безразличия», которое царит обычно в студенческих аудиториях, производство надписей ручкой или даже вырезание их ножом считается обычным делом. Подчеркну, что анонимность в этом случае обычно обеспечивается коллективным попустительством, потому что граффити создаются на глазах у других студентов, которые, конечно же, никогда не донесут на их автора. Более того, одновременно в создании граффити могут участвовать несколько человек. Подобно тому, как в тёмном зале кинотеатра можно вызвать «эффект цепного кашля», так и в аудитории вид одного пишущего на столе студента может создать аналогичную цепную реакцию. Такое творчество иногда носит непровольный характер, человек не всегда осознаёт, что, слушая лектора, он выводит ручкой какие-то знаки на столе. Я сам не раз был свидетелем того, как студенты что-то писали или рисовали на столах, внимая преподавателю, и как они смущались, когда им делалось замечание, потому что сами не осознавали, что портят мебель. Психологи даже пытаются найти зависимость между формой знаков, которые слушающий наносит на листке бумаги или на столе, и образом мышления. Но нас более интересуют сознательные действия, в результате которых создаются граффити.

То, что создание граффити часто принимает коллективные формы, подтверждается диалогическим характером части из них. Надпись становится стимулом, который вызывает отложенную по времени реакцию: читающий надпись откликается на неё, добавляя свою. Иногда такой процесс становится затяжным: в ряде случаев насчитывается до 10 графических тактов, созданных разными людьми. При этом нередко нарушаются все мыслимые этические нормы языка, чему во многом способствует то, что

участники общения друг другу не известны. В таких диалогах нет табу ни на темы, ни на средства. Среди граффити обычны диалоги типа: «Таня свинья. — А я Марина. — И ты свинья!»; «Я не хочу сессию! А ты? — Кто же её хочет? — Я! — Ну и дура!» Иногда встречаются элементы словотворчества: «Люблю негра. — А я еврея. — А я евронегра».

Причиной появления ещё одной группы граффити стала оппозиция власти, бунтарство, свойственное молодёжи во все периоды истории. Многие из таких надписей стали выражением юношеского максимализма, крайней эмоциональности и боязни выразить протест легальным способом. То есть граффити обнаруживают подавленные, скрытые проблемы, внутренние личностные и социальные конфликты. В надписях протестного характера упоминаются также известные политики или организации, не принадлежащие власти. Граффити содержат политические лозунги, призывы иногда экстремистского содержания: «Трымайся, Албания, Беларусь з табою!»; «Жыве Беларусь!»; «Задолбал БНФ»; «Сегодня НАТО бомбит Белград, завтра будет Брест»; «Смерть пидору Клинтону и жидовской суке Олбрайт!»; «Геть за Беларусь!»; «С жиру бесишься? Голосуй за Жириновского!»; «Любі Беларусь! Яна твая калыска, твой хлеб, твой апошні прытулак!»

Вообще среди студентов протест является обычным «настольным» жанром, содержащим негативные оценки политиков, собственных преподавателей, сокурсников, писателей или музыкальных исполнителей. Иногда такие оценки содержат инвективы, появляющиеся, как уже было сказано, от осознания, что «мне за это ничего не будет», хотя молодые люди знают, что уголовное или административное наказание может наступить и за вербальный проступок. Инвектива — обычный элемент граффити, отражающий процессы разговорной речи, «вербальное нарушение этического табу, осуществлённое некодифицированными средствами» (Жельвис 2000). С помощью инвектив и кодифицированных средств протеста происходит освобождение от запретов доминирующей культуры, которая стремится подавить агрессию и сексуальные влечения. Отсюда и появление инвектив, непристойных портретных и иных рисунков.

Что касается негативных оценок преподавателей, то они стали или каналом выплеска отрицательных эмоций, связанных с личностью самого преподавателя, или осознанием собственного бессилия овладеть его предметом, что ассоциативно отрицательно отражается на лекторе. Эти надписи порой образны или содержат претензию на афористичность, хотя чаще это пошлый вульгаризм. Из более-менее этических приведём: «Имярек — злобная старушка», «Не могу больше видеть Имярека!», «Хороший Имярек — мёртвый Имярек», «Здесь кнопка выброса препода в плотные слои атмосферы».

Близка этой и тема неустроенности, тоски, нежелания учиться. Такие «крики души» часто очень экспрессивны, иногда они зарифмованы. «Как всё задрало!»; «Как меня всё достало!»; «Не хочу слушать античку!»; «Меня всё как-то задолбало»; «Лучше быть хвостом макаки, чем учиться на филфаке»;

«Философия — галиматъя»; «Филфак — полнейшее болото. Куда мы попали?»; «А не пойти ли мне на занятия? — подумал студент и не пошёл»; «Ненавижу введение в литературоведение»; «Ненавижу латинский»; «Если я доживу до конца пары, поставьте мне памятник. О. К.?»; «Мудрейшая птица на свете — сова, всё знает, но очень скупа на слова, чем больше узнает, тем меньше болтает — вот этого лектору, блин, не хватает!»; «5 лет свободы не видать!»; «Пива хочу!»; «Люблю рыб. Они молчат»; «Не сплю! Не сплю! Не сплю!»; «Встану рано утром, выпью банку ртути и пойду подохну в этом институте». Правда, встречаются и патриотичные рифмовки, в которых автор как бы объясняет, почему он учится на филфаке: «Если ты тупой немного, на физфак тебе дорога. Если ты тупой совсем, поступай на ФПМ».

Некоторые исследователи определяют граффити как вид субкультуры со своими правилами, традициями, перенятыми у жанров устного творчества. Вот почему среди надписей встречаются довольно крупные по размерам стихотворные формы, афоризмы, спортивные кричалки. Цитирование иногда бывает авторским: несколько раз нам встретились тексты Высоцкого, Пушкина, афоризмы Чехова и Л. Толстого, рок-цитирование и одностишья Вишневского («Спасибо мне, что есть я у тебя»; «Кишка тонка, зато она моя»; «Я не хотел туда идти. Меня послали», «Не так я вас любил, как вы стонали»). При цитировании часто происходит мена цитат как признак фольклора: пишущий стремится добавить что-то своё, чтобы максимально эффективно воздействовать на потенциального читателя: «Я тучка, тучка, тучка, я вовсе не студент, а как приятно тучке с лекций улететь»; «Как много девушек хороших, но что-то тянет на плохих»; «Вот на кладбище пойду, гробик откопаю, мертвеца в дом приведу, а потом сховаю»; «Машу пальцем не испортишь»; «Мой дядя самых честных грабил»; «Кто есть who?» и т.д.

Нелепицы, чёрный юмор, страшилки, ритуальные стишки часто сексуального содержания, игры словами и смыслами — обычные виды граффити: «Ёжики! Чем мы не кони?»; «Нас убьют за то, что мы гуляем по трамвайным рельсам»; «Хто сказаў, што моладзі трэба толькі наркатыкі, дыска і сэкс? Няпраўда! Найперш ёй трэба грошы для ўсяго гэтага»; «Здесь была, есть и будет есть Настя»; «В лесу голубые ели, они ещё и пили»; «Дыгназ: агульная млявасць, поўная абыякавасць да жыцця, цяга да самазагубства»; «Кто не курит и не пьёт, тот здоровеньким помрёт»; «Мне бы рожу как у жабы, я б тебе приснился, крошка»; «Лучше гипс и кровать, чем гранит и оградку»; «Кто стучится в дом моя? Видишь, дома нет никто. Приходи ко мне вчера — будем прыгать в ширину»; «Ну и запросы у вас! — сказала база и зависла».

Постоянно возникает в граффити тема разделённой и неразделённой любви с её запретами и сексуальными фантазиями. В таких граффити больше домысла, чем реального опыта. Это, скорее, чужое знание, с помощью которого автор воображает, что он в любовных утехх тёртый калач: «Наташа — 3 рубля и наша»; «Чего-то хочется, а кого не знаю»; «Sex учёбе не помеха»; «Почему так бывает на свете: любишь ты, но не видишь кого»; «Женщины — то же вино, которое может испортиться»; «Ты ушёл, меня не

замечая, конфетку шоколадную жуя. Так пусть тебя полюбит сука злая, а не такое солнышко, как я!»; «Мальчик жестом объяснил, что его зовут Хуаном». Вообще афористичность — один их атрибутов граффити. Она отражает завышенную самооценку автора, желание поэстетизировать, поиграть словами, самоутвердиться на фоне не понятно что делающего у доски преподавателя. Кроме того, афористичность в жанре граффити — часто обманутое ожидание, рассчитанное на эффект парадокса. «Смерть стоит того, чтобы жить»; «Дайте студенту точку опоры, и он уснёт»; «Когда рядом нет того, кого я люблю, я люблю того, кто рядом»; «У каго няма дарогі, той ідзе ў педагогі»; «Не всхрапни на лекции, дабы не разбудить рядом спящего»; «Хочется большого и чистого — помой слона!»; «Все гении мертвы»; «Люблю работу. Могу смотреть на неё часами»; «Ничто так не красит женщину, как перекись водорода»; «Люди! Прежде чем зайти к кому-то в душу, снимайте ботинки: там и без вас может быть грязно»; «У нас есть что вспомнить, но нечего рассказать детям»; «Я не люблю, когда мне врут, но от правды тоже устаю»; «Благодарность проходит быстро, страх — никогда»; «Мужчина — Бог. Но он всегда у наших ног»; «Крошка, ты не из нашего батона»; «Быть христианином зачастую труднее, чем атеистом или сатанистом»; «Поэтами не рождаются, поэтами умирают» и т.д.

Иногда авторы граффити сознательно идут на нарушение норм словосочетания и орфографии, используют просторечия и вульгаризмы. Причина — стремление к снижению порога официальности, подсознательное желание показать, что то, о чём они пишут, несерьёзно, что к этому нужно относиться как к шутке: «Женюся»; «Чаво табе?»; «Харёк»; «Шаз спою». Такие надписи сродни принятому ныне в компьютерном общении написанию, отражающему максимальную свободу от разного рода языковых норм. Это такая вывернутая наизнанку языковая эстетика, форма наслаждения от осознания заведомо неправильно написанных или произнесённых слов. Правда, во многих случаях компьютерного написания это также удобная возможность скрыть собственную безграмотность.

По граффити можно изучать географию поступивших на факультет, обычно это названия белорусских городов, хотя иногда встречаются российские и иные топонимы: Сморгонь, Борисов, Витебск, Быхов, Могилёв, Лида, Смоленск, Вгоокline и др. Очевидно, что такие надписи — это не только своеобразная форма любви к малой родине, тоска по ней, но также и страхи человека, оказавшегося в чужом месте. Их можно рассматривать также как пометку территории, которая должна стать своей.

Тексты в жанре граффити написаны преимущественно на русском языке, хотя белорусские слова или предложения тоже нередки. Из других языков преобладает английский, встречается также латынь, польский, сербский, немецкий, итальянский, старославянский. Очевидно, иноязычные вкрапления отражают сферу прагматических интересов автора или степень популярности языка: «I love you», «She was the first girl of the moon»; «I don't

like whisky, but whisky likes me»; «Per aspera ad astra»; «Italiano bandito — e un grande bandito»; «Geinz fon Guderian: Wermacht Tank Group Chiefcommander»; «srpska knjizevnost» и др.

Несомненно, что создателей граффити забавляет их творчество, они расценивают всё это как коллективную игру, как канал коммуникации: «Товарищи! Сделайте парты произведениями искусства!»; «Хочу залик по истории беларуской литературы! — Учись грамоте сначала»; «Студенты филфака! Начнём решительную борьбу с алкоголизмом!» и даже «Господа, не пишите на партах!»

Таким образом, в белорусской студенческой аудитории мы наблюдаем разнообразие жанров и языковых вариантов исполнения граффити. С психологической точки зрения граффити выражают сознательное или бессознательное стремление к самоутверждению, они выступают в качестве механизма «снятия коллективного напряжения, средством борьбы с групповыми страхами, обеспечивая репрезентацию себя или объекта страха». Современные граффити можно также рассматривать как часть процесса социализации молодежи (Бочарова, Щукин, 1997), как вид конъюнктурного словотворчества.

Литература

- Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа. — Русский гуманитарный интернет-университет, 2004. — info@vusnet.ru
- Белкин А.И. История становления, развития и современное состояние проблемы граффити в зарубежной и отечественной психологической науке. В: «История отечественной и мировой психологической мысли: постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее. Материалы международной конференции по истории психологии «IV московские встречи», 26-29 июня 2006 г.». М., Издательство «Институт психологии РАН», 2006, с.145-151.
- Бочарова О., Щукин Я. Минитекст молодёжных граффити. // Искусство кино, 1997, №1, с. 100-109.
- Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия. Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. -Барнаул, 2000. — с. 194-206.
- Седнев В. Надписи и рисунки в общественном транспорте (попытка классификации). // Философская и социологическая мысль, 1993, №1, с.170-173.
- Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство. М., 2006.